

Выступление Н. Н. Асеева

Товарищи! Мы выслушали очень искреннее и дельное выступление А. А. Фадеева, основанное на действительном знании материала. Все, что он говорил, имеет своим знаменателем желание очистить Маяковского от налета чрезмерной интимности, всевозможных дружеских и вражеских «истолкований».

Маяковский как бы раздроблен на части. Каждая мелочь, относящаяся к нему, нужна и важна для каждого. Но необходимо внутреннее чутье, внутреннее понимание Маяковского, чтобы из мелочей встал какой-то большой Маяковский, которого нужно дать следующим поколениям, он должен быть виден без мелких пупырышков, которые заметны потому, что смотришь на него вблизи. Это правильно. Но, с другой стороны, как же воссоздать тогда Маяковского... Упустить эти подробности? Дать поколению Маяковского «вообще»?

Книга Шкловского мне нравится, потому что она, благодаря подробностям, делает зримыми мельчайшие поры. Бывает, что в душу мы видим мелкие клетки кожи, по которым узнаем ее строение. На многих это производит неприятное впечатление, мы, мол, думали, что гладкая кожа, а она вся в буграх, ссадинах.

Но есть ли смысл сглаживать Маяковского? Конечно, нет. Сделать его одинаковым для всех невозможно. Не интересно, когда изображение поэта превращается только в бюст определенного размера, определенной цены.

Я не согласен с А. Фадеевым, которому не нравится книга Шкловского, я не считаю ее обывательской. Фадеев видит в ней «филиалы» былого формализма Шкловского. Надо отделить формализм от Шкловского. Я считаю, что формализм — это бездушное отношение к материалу и к своей работе. А у Шкловского материал освещен внутренним светом, у него есть своя позиция, свои основы в литературе, большая и настоящая заинтересованность в ней. Его интересует и детская литература, и критика, и кинодраматургия. Он болеет за всю литературу. И ужасно неправы те, кто принимает за веселую улыбку его болезненно искривленный рот и думает, будто Шкловский смеется над временем, над литературой, над Маяковским.

Я должен поспорить и с А. Гурштейном и упрекнуть его в том, что он почему-то находит нужным писать о книге Шкловского, относясь равнодушно к самому Маяковскому. Гурштейн защищает Маяковского от Шкловского, в то время как ему следовало бы лучше познакомиться с самим Маяковским. Те «детали», за которые т. Гурштейн упрекает Шкловского, принадлежат Маяковскому и записаны им в его автобиографии. Очень неприятно обнаруживать, что критик не читал материала, о котором он пишет.

Очень не понравилась мне и статья М. Чарного, напечатанная в восьмой книге журнала «Октябрь». В ней автор попросту берет за дубинку, которая давно уж слана в архив. Это — напостовская дубинка. Чарный называет книгу Шкловского «вредной», «никчемной» «книжонкой».

Что это за тон? Разве так можно разговаривать с писателем?

Фадеев прав, нужно следить за тем, чтобы облик Маяковского не был извращен, чтобы народ воспринял чистый, твердый, резкий профиль Маяковского, чтобы его стихи доходили в направлении, которое нужно народу, правительству, партии. Правильно и то, что приоритет истолкования Маяковского не принадлежит только окружающим его людям. Настоящий облик Маяковского создают молодежь, кадры его читателей по его стихам, по его борьбе революционной и литературной. Но я не согласен с замечаниями Фадеева, относящимися к тем местам книги, где речь идет о моей якобы полемике с Художественным театром. Возможно, что я многое и не дописал, и мысль моя осталась непонятной, не доходит до читателя, но я в своей повести и не думал полемизировать со Станиславским. Я же пишу не историю МХАТ. Для нас, юношей, живших в провинции, в то время Художественный театр был чем-то очень большим. Он воспитывал людей в

определенном направлении, он был выразителем передовых идей того времени. А в 1912 году, когда мы, приехав в Москву, увидели МХАТ, он был уже не тем театром. Нам было больно, что по его сцене бродили бледные мистические тени Метерлинка, он не был театром Горького, Чехова. Вот против чего протестовала молодежь.

Октябрьская революция опять по-новому плынула МХАТ. Он снова стал лучшим представителем русского театрального искусства. Но в то время у молодежи было ощущение распада, протест против придушенных голосов, завешенных окон, одетых в вату улиц. Против этого протестовал и Маяковский. Вот мысль, которую мне нужно было выразить в тех строках, где речь идет о МХАТ.

— Я не люблю самобичевания и раскаяния — многое в моей повести «Маяковский начинается» я бы сделал, может быть, теперь по-иному. Почему? Потому, что угасло первоначальное ощущение азарта, с которым я начал ее писать. Может быть, нужно было подождать, но тогда не было бы стремительности и погасла бы движущая сила, которая вызывала появление книги.

И все же я думаю, что «Маяковский начинается» — это моя удача.

Об этом свидетельствуют дружеские письма со всех концов страны, с дальних краев. Да и товарищи, писательская братия, которая не очень щедрна на восторги, хвалит мою книгу.

Формирование футуризма было для меня, как я уже писал, движением интеллигенции, движением молодежи, более деятельной ее части, которая не поверила в преэминентность профессий, социального положения, обеспеченности от отцов. 1905 год дал какую-то встряску. Началось безверие, нигилизм, но не реакционность. Именно в этой связи я и упоминаю в своей книге Бурлюка и Крученых.

Мы недостаточно знаем поэзию тех лет. Не все хорошо знают Хлебникова. Его нужно читать. Нужно устроить вечер чтений его стихов. Давайте проверим друг друга, интересен ли нам Хлебников, нужен ли он нам?

Игра со словом для меня не баловство, это — поворачивание, обделывание детали, это — подставка пол резец. Люди, которые хотят потребительски относиться, говорят так: зачем нам смотреть, как вы вытачиваете деталь, какое нам дело, как вы работаете, дайте нам готовую вещь.

Они, может быть, и правы. Но революция научила многих из нас не только потребительски подходить к вещам. Мы знаем, как делаются вещи, которые нас окружают, мы знаем, как из рукописи делается книга, как ее пишат, как правят, как печатают.

Во время своей недавней поездки в Киев я видел замечательную молодежь. Эти люди вчитывались, в'едались в каждую строчку о Маяковском, говорили о подробностях, относящихся к нему, так, как будто не я, а они встречались с ним. Один из них, т. Тельман, пишет интереснейшую работу «Маяковский на Украине». Базалось бы — узкая тема, ограничивающая Маяковского. Но автор роется в архивах, собирает материалы, берет газеты 1912—1913 гг. — «Киевскую мысль», «Одесский листок» и так восстанавливает время, что становится виден его облик.

К этому стремлюсь и я. Я считаю, что если я пишу, так эта повесть — моя совесть. Это — не варево, в которое можно положить специ или приправить той или иной правящей пряностью. Я не умею готовить на такой кухне. И, если это варится, так это варится из собственного сердца, а не из чужого одобрения.

Полемичность поэмы, ее заостренность — противовес, чтобы не было безразличия к Маяковскому. У меня безразличия к нему не было с 1912 года. Тем более, что заостренность этого спора началась не с меня, а с Маяковского, и я этот спор пытался продолжить и довести до конца.

Я не хочу как-то защищать свою вещь, тем более, что на нее прямо и не нападают, но не могу не сознаться, что она мне дорога, и она уже стала вторично близкой мне через читателя.

МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА

Отдел газетных вырезов

Ул. Кирова, 26/б

Телефон 96-б

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета №

17 июля 1938

Москва